

ДОКЛАД НА ДИСКУССИОННОМ СОБРАНИИ О РОЛИ И ЗАДАЧАХ ПРОФСОЮЗОВ В ПЕТРО- ГРАДЕ 3 ЯНВАРЯ 1921 года.

Боевой вопрос съезда, партии.

Товарищи, мы в последнее время на целом ряде собраний активных работников прослеживали шаг за шагом те новые проблемы, которые становились перед нашей партией и разбирались в тех разногласиях, которые замечались в связи с переходом партии на новое хозяйственное положение.

Мы должны сейчас особенно подробно остановиться на одном из вопросов, который теперь — в этом нет ни малейшего сомнения — станет самым боевым вопросом на предстоящем X съезде РКП. Вопрос этот — о роли профессиональных союзов в предстоящую эпоху развития.

Вам, конечно, известно, что по этому вопросу циркулируют в общем и целом две основных точки зрения, которые нашли себе выражение: одна — в 2—3 брошюрах т. Троцкого, в тезисах его и той группы, которая его поддерживает, другая точка зрения нашла себе выражение в коммунистической фракции Всероссийского Центрального Совета профессиональных союзов, большинства ее, за исключением пары, быть может, товарищей.

Эта точка зрения защищалась на собрании, устроенном фракцией ВЦСПС 30 декабря минувшего года на заседании фракции коммунистов VIII Всероссийского съезда Советов, т. Лениным и мною.

Нам надлежит выяснить, чем отличаются обе эти точки зрения. Точка зрения т. Троцкого заключается в том, что профессиональное движение ныне переживает очень тяжелый кризис, и кризис этот объясняется не только и даже не столько гражданской войной и выбытием многих работников из союзов на фронты, а объясняется, по мнению т. Троцкого, а также и поддерживающих его товарищей, тем, что задачи профессиональных союзов неясны, неопределенны. Поэтому профессиональные союзы блуждают в потемках.

Существует ли кризис профессионального движения?

На V Всероссийской конференции профессиональных союзов, которая была несколько недель тому назад и на которой мне, от имени ЦК нашей партии, довелось защищать нашу точку зрения, один из сторонников т. Троцкого, Коссиор, говорил, что-де нам, профессионалистам, сейчас пужны не столько работники, сколько работа. Мы, дескать, не знаем, в чем должна заключаться работа профсоюзов.

Это есть основная идея той группы, которая тщетно старается сказать новое слово в вопросе о профсоюзах. Профсоюзам, дескать, приходится туго от того, что их задача неясна, неизвестно, что делать, в чем должна заключаться их работа. Отсюда кризис профессионального движения.

Мы возражаем против этого, мы говорим: профессиональное движение, как и партия, как и Советы и все рабочие организации наши, несомненно пережило тяжелое лихолетье гражданской войны. Результаты этого сказываются как раз теперь. Подобно человеку, который совершает какое-нибудь длительное путешествие и на ходу не чувствует усталости, а чувствует ее только тогда, когда он присел и может перевести дыхание, аналогичное происходит и с нашими рабочими организациями.

До тех пор, пока нас беспощадно гнала гражданская война, не давала нам перевести дыхание, заставляла нас во что бы то ни стало идти вперед без оглядки, до тех пор мы не так ясно сознавали все нехватки и пробелы нашей организации. Только сейчас, когда нам удалось присесть и перевести дух, наши организации чувствуют, как у них болят руки, ноги и туловище, как много нехваток и пробелов у них в результате трехлетней войны.

Если это называть «кризисом», то он у нас есть, но он одинаков тогда и в партии, и в советах. И в самом деле. Если на заводе 5.000 рабочих, а в коллективе всего 30 человек, — можно ли сказать, что это благополучное положение? Конечно, нет. Если на подмосковных заводах, где по 6—8 тысяч рабочих, имеется партийный коллектив в 8 человек — можно ли назвать это сколько-нибудь благополучным, нормальным положением партии? Разумеется, нет. Таково же положение и советов.

Союзы в этом отношении нисколько не отличаются от всех других рабочих организаций. Нельзя представлять себе дело так, что все обстоит благополучно и остается только друг друга поздравлять с этим благополучием. У нас масса нехваток. Но оставим эту исходную точку зрения, будто бы профессиональное движение переживает нивесть какой тяжелый, отчаянно затяжной кризис. Это говорят те товарищи, которые тщетно пытаются, повторяю, сказать что-то новое в вопросе о профессиональном движении. Этот кризис размалеван ими, он им нужен, как исходная точка зрения, для того, чтобы попытаться вверх ногами представить взгляды партии на профессиональное движение.

Никакого особого кризиса профессионального движения нет. Партия, советы и профсоюзы находятся в одинаковом положении — в положении организации, которая только что закончила трехлетнюю, отчаянно тяжелую боевую кампанию, успешную безвозвратно десятки тысяч работников, нанесшую массу ран. И вот только теперь мы получаем возможность начать заживать эти раны.

Задачи профсоюзов.

Верно ли, что профсоюзы не знают, что им делать, что в профсоюзах нет работы, что все дело в том, чтобы получить работу, а не работников?

Думается, что в этом отношении т. Троцкий и его сторонники допускают невероятное преувеличение.

Что делали за эти три года профсоюзы, что они делают сейчас и что они должны делать? Разберемся подробнее в этих вопросах.

Как только произошел октябрьский переворот и собрался первый Всероссийский съезд профсоюзов, — это было на рубеже 1917 — 18 г.г., — профсоюзы и коммунисты, работающие в союзах, поставили перед собой новую задачу. На первом Всероссийском съезде союзов мы, большевики, впервые имели большинство, — до тех пор профсоюзы долгое время оставались крепостью меньшевиков, — впервые на съезде мы получили большинство, и то недостаточно сильное. Мне довелось быть докладчиком от партии на Первом Всероссийском съезде союзов. Я вспоминаю — и все это хорошо помнят, — что наша резолюция, внесенная и

принятая съездом, гласит вполне ясно о том, что отныне центр тяжести работы профсоюзов переносится в область организационно-хозяйственную. Эта резолюция достаточно широко известна всем деятелям профессионального движения.

Раньше задача профсоюзов, с нашей точки зрения, была — организовывать стачки, дезорганизовывать буржуазное хозяйство, организовывать пролетарскую революцию. После Октября центр тяжести был перенесен в область организационно-хозяйственную.

И за эти три года со времени первого Всероссийского съезда профсоюзов произошла не одна сотня губернских и уездных съездов, не один десяток областных всероссийских съездов и всевозможных других профессиональных объединений, и на всех их варьировалась одна и та же основная мысль, что теперь центр тяжести переносится в область организационно-хозяйственную.

Насколько союзам удалось выполнить эту задачу?

Ее удалось выполнить в очень черновой, недостаточной степени.

Профессиональные союзы в начале Октябрьской революции были единственной организацией, которая начала переходить от контроля к организации производства; профсоюзами первыми закладывались основы нашего Совнархоза. В Петрограде — петроградский совнархоз был создан на девять десятых местными профессиональными союзами, которые дали людей, дали схему, выделили руководителей этой организации. Так дело шло не только в Петрограде, но и во многих других городах Советской России, так дело шло во многих промышленных центрах России. В этом смысле профессиональные союзы выполняли задачу перенесения центра тяжести из области буржуазной в область организационно-хозяйственную.

В ходе революции профсоюзам пришлось заняться еще целым рядом работ, которые также укладываются в формулу организационно-хозяйственных работ. Это — тогда, когда профсоюзы организовывали десятки, сотни продотрядов. Разве это не была работа организационно-хозяйственная? Конечно, это не укладывалось в тот шаблон, который создают теперь некоторые «новаторы» в профессиональном движении, но это была действительно организационно-хозяйственная работа. Мы не имеем полностью необходимых данных, но из отчетов ВЦСПС видно, что за один год в продотряды из одного ВЦСПС послано более 30 тысяч членов.

Затем профсоюзы принимали живейшее участие в формировании Красной армии. Десятки тысяч членов профсоюзов послано на командные курсы. Я уже приводил официальные цифры, что за один только 1919 год на сборные пункты по специальным профсоюзным мобилизациям явилось 78.865 человек ⁽¹⁾.

Мы не имеем точных данных, сколько десятков, сотен тысяч отдано в уездные, областные и центральные органы Совнархоза, между тем как эти десятки тысяч членов профсоюзов составили корпус, тело всех этих организаций как в губернском, так и в областном и уездном масштабе. Трудно назвать такой областной хозяйственный центр, в котором профсоюзы не принимали бы деятельного участия.

Я приводил на дискуссии 30 декабря в пример работу, происходящую во Дворце Труда, и хотя мне не очень повезло с этим примером, и некоторые «спектрашники» и их защитники даже посмеивались по поводу мнимого успеха этого примера, — я, тем не менее, повторю его здесь. Я говорил, что мы ведем статистику посещаемости Дворца Труда, где находятся наши профессиональные союзы. Мы установили с цифрами в руках, что в эти союзы приходит ежедневно свыше 5 тысяч человек, а иногда и больше. Зачем они приходят? Я говорил о том, что одни приходят за прозодеждой, другие по поводу тарифов, третьи приходят по поводу выезда из города, четвертые по поводу того, что им кажется, что заводский комитет на таком-то заводе не годится, что надо сменить директора или помощника, пятые приходят по поводу продовольствия, шестые по поводу того, что надо ребенка в больницу свезти, приходит мать рабочего по поводу похорон и т. д., и т. п.

Особенно посмеивались по поводу того, что я говорил о похоронах. Некоторые товарищи говорили: помилуйте, какой же это тогда профессиональный союз, разве это похоронное бюро, что туда приходят по поводу похорон? Я отвечал и отвечаю, что только типичный интеллигент, совершенно не понимающий жизни рабочего, никогда не живший его повседневной жизнью, может спокойно посмеяться по поводу примеров, которые я приводил. Когда блаженной памяти Легин, которого, как я читал в радиотелеграммах, похоронили с помпой в Германии, где у власти стоит буржуазия, проповедывал рабочим, чтобы они не занимались стачками, организацией восстаний, а ограничивались бы в профессиональных союзах работой культурно-про-

светительной, то он прислуживал буржуазии. Когда же в России власть в руках рабочих, когда у нас борьба с буржуазией позади, когда у нас за три года революции рабочий класс должен был больше жертвовать революции, чем получать от нее, — тогда малейшая помощь рабочим, их семьям в повседневном быту, в таких мелочах как больница, похороны и т. д., является святейшей обязанностью каждого профессионального союза, и смеяться по поводу этого совершенно нечего.

Я говорю, что на примере хотя бы Дворца Труда вы можете видеть, как профессиональные союзы, худо ли, хорошо ли, но обслуживают буквально все нужды рабочего и его семьи. В общем и целом та же самая картина и в Москве, и в целом ряде других городов. Профессиональные союзы становятся центром притяжения, куда ходят по всяким мелочам, по всяким поводам, иногда без поводов, куда рабочий ходит жаловаться на то, что у него болит. Отсюда получается интимная, теснейшая связь рабочей массы с союзами. Когда мать рабочего знает, что она может идти в союз, к которому принадлежит ее сын, по всякому поводу, то в этом величайшая сила профессиональных союзов. Именно таким образом профессиональные союзы врастают корнями в толщу рабочей жизни.

Организация профессиональных союзов.

Само собой понятно, что было бы печально, если бы вся работа профессиональных союзов сводилась только к таким бесформенным посещениям. Нам нужна стройная организация профессиональных союзов. Нам надо, чтобы, начиная с низовой ячейки — фабрично-заводского комитета, все звенья были стройны, чтобы между этими звеньями было стройное самоподчинение, чтобы союз был построен по принципу демократического централизма, имел регулярные делегатские собрания, чтобы профессиональный союз регулярно интересовался производством, следил за работой своего Совнархоза и т. д. До сих пор этого не было или было в очень недостаточном количестве. Заводские комитеты крайне расшатаны. Делегатские собрания в Петрограде происходят, в других городах нет; да и у нас они происходят крайне нерегулярно. Участие в производстве профессиональных союзов было слабое, нерегулярное. Все это верно.

Само собой понятно, что нынешнюю передышку, когда можно

слегка отдохнуть, должны мы использовать прежде всего для укрепления низовых ячеек профессиональных союзов, для создания планомерной организации, для того, чтобы создать стройную систему централизованного профсоюза, который живет не только тем, что ошупью ведет за собою тех рабочих, которые приходят по несколько тысяч в день, но имеет строго оформленную организацию. К этому мы приходим теперь, и разногласий на этот счет быть не может.

Но недооценивать того факта, что профсоюзы за три года, неблагоприятных три года, когда партия никого не давала союзам, а только брала тысячи людей, что они сыграли громадную роль и сослужили величайшую службу, ставши гигантской лабораторией, где формировалась пролетарская и политическая мысль и собирались массы, — недооценивать эту роль профсоюзов может лишь тот человек, который никогда в своей жизни ни одного профсоюза не организовывал и не видал, как он работает.

За три года наши профсоюзы проделали гигантскую работу. Это надо теперь сказать, потому что на профсоюзы стали вешать всевозможных собак, изображать дело так, что профсоюзы переживают кризис, что их надо «обнять» и идти к ним «на помощь» так, чтобы чуть-чуть не раздавить их в горячих отеческих объятиях.

Когда заявляют, что профсоюзов не надо вовсе, как заявлял в Питере т. Мясников, и что мы имели удовольствие слышать и от других товарищей, когда т. Троцкий заявляет, что профсоюзов почти что нет, то приходится сказать: извините, т. Троцкий, вы великолепно выполнили ту задачу, которую партия возложила на вас в области военной работы, но вы не знаете, что делают и делают профсоюзы, вы не правы, когда говорите, что профсоюзов нет, вы принимаете внешность за самое важное. Вы видите, что у профсоюзов нет регулярных делегатских собраний, низовых ячеек, и заключаете, что профсоюзов вообще нет.

Верно, что в союзах нет строгой иерархии учреждений, планомерности не больше, чем в партии и в советах, но не верно, что их нет вовсе и что они не занимаются той работой, которой должны заниматься союзы.

Революционно-воспитательная задача профсоюзов.

Наши союзы в самой трудной обстановке за три года сумели выполнять в основном ту задачу, которую должны выполнять.

Какая это задача? Я уже сказал, что революция первого Всероссийского съезда на это намекнула достаточно ясно, когда она отчеканила формулу организационно-хозяйственной работы. Эта формула, по которой должно развиваться ныне профессиональное движение, значит ли, что наше профессиональное движение должно отказаться от других задач — например, от задач воспитательных? Я думаю, что это не так. В тезисах т. Троцкого «Роль и задачи профсоюзов» на стр. 8 вы можете прочитать следующие строки: «то, что составляло существо профсоюзов в буржуазном обществе, отпало...»

Верно ли, что теперь отпало то, что составляло существо профсоюзов в буржуазном обществе?

Я говорю: нет, это не верно. В чем заключается существо профсоюзов в буржуазном обществе? В каждом буржуазном обществе существо настоящего революционного профсоюза заключается в том, что профсоюз вместе с партией, рядом с партией, рука-об-руку с партией, параллельно с коммунистической партией готовит пролетарскую революцию. Как он ее готовит? Готовит тем, что ведет систематическую воспитательную, революционизирующую работу среди союзов. Я сказал на собрании 30 декабря, что, по моему мнению, даже после падения власти буржуазии по крайней мере 50 процентов работы каждого союза сводится к работе революционной, просветительной, воспитательной.

В буржуазном обществе, там, где рабочий класс еще не победил, эта революционно-воспитательная работа занимает 90 процентов. Теперь спрашивается: после того, как свергли буржуазию, отпала эта революционно-воспитательная работа или нет? Тов. Троцкий видит только производство и забывает ту основу всех основ, то, что Маркс называл школой коммунизма, — революционно-воспитательную задачу, которая в профсоюзах была, будет и останется еще десятки лет после завоевания власти пролетариатом. Школа коммунизма, это — то, что учит коммунизму.

Некоторыми интеллигентами школа коммунизма понимается непременно как аудитория с лекциями, и лекциями скучными. Конечно, лекция, это — хорошая вещь, но школа коммунизма, это в данном случае — и то хождение пяти-шести тысяч человек в свой союз, где они имеют возможность учиться рассматривать свои нужды в связи с нуждами общегосударственными, где они получают ответы на большие вопросы, связанные с общим поло-

жением промышленности, с общим положением вещей в международной революции, где они получают листовки, брошюры, где они слушают лекции, где они приучаются смотреть на себя как на часть своего класса, как на часть целого профессионального движения. Это — школа коммунизма, и эта задача будет еще в течение десяти лет.

По последним подсчетам, в ВЦСПС объединено 6.970.000, т.-е. около 7 миллионов членов профсоюзов, в то время как в нашей партии только полмиллиона членов. Это значит, что у нас в профсоюзах $6\frac{1}{2}$ миллионов беспартийных рабочих и служащих.

Вот почему формула, что у нынешних профсоюзов отпала старая задача, формула фальшивая, угловатая и не может быть понята рабочими, потому что тот, кто говорит так, не видит основных задач, а признает одно — стоять над ухом рабочего класса и жужжать: поднимайте производительность, поднимайте производительность, нужно поднять производительность.

Производство нам, конечно, очень дорого, но мы утверждаем, что мы его сможем поднять лишь в той мере, в какой наши профсоюзы сумеют выполнить свои задачи. И здесь все тезисы т. Троцкого проглядели основное — что для нас профсоюзы были и остаются школой коммунизма. И мы должны всем малоопытным профессиональным движением напомнить, что профессиональное движение в первую очередь должно быть подлинной школой коммунизма.

У нас диктатура пролетариата — значит, профсоюзы должны быть непосредственным орудием и средством этой диктатуры. Мы говорили и говорим: профессиональные союзы — стальной хребет пролетарской диктатуры, но это не значит, что они должны быть непосредственными органами этой диктатуры; для этого есть Совет и партия.

Профессиональный союз нам нужен как организованный комплекс с несколько другими задачами, с задачами преимущественно воспитательными. Поскольку дело идет о прямом государственном приказе, — есть Совет. Когда дело идет только об идейных директивах, о лозунгах, о политическом руководстве, — есть партия. Зачем нужен профессиональный союз? Профессиональный союз нужен в первую очередь именно как школа коммунизма, как такая организация, которая втягивает миллионы за миллионами рабочих, которая приобщает их к пролетарской работе, которая их не в месяц, не в год, а годами

учит и обучает тому, что такое коммунизм, что такое пролетарское государство, которая начинает с прозодежды и кончает азбукой коммунизма, которая приводит десятки тысяч рабочих, шаг за шагом, через продовольственные отряды, через делегатские собрания, фабрично-заводские комитеты, дисциплинарные суды, через профессиональные совещания и т. д., и т. п. — к коммунизму. Вот для чего нужны сейчас у нас профессиональные союзы. И это радикально забывают товарищи.

Тов. Ленин образно изобразил в своей речи роль профессиональных союзов. Он сказал: у нас положение чрезвычайно своеобразное, необходима система зубчатых колес, надо, чтобы товарищи поняли, что дело не так просто, что приказал — и исполнил. Нам, кроме организации непосредственно государственной, кроме организации сравнительно узкой, организации партийной, нужна организация, которая стоит как бы посередине между партией и государственными организациями, которая занимает своеобразное положение, которая имеет задачи воспитательные, задачи втягивания новых миллионов рабочих.

Вот, товарищи, первое и самое важное наше расхождение с той группой, которая выдвигает теперь якобы новые слова, которая на самом деле показала, что ничему не научилась в профессиональном движении.

Нельзя сказать, чтобы профессиональные союзы эту воспитательную задачу выполнили и что она отпала. Нет, мы к этой задаче хорошо даже не приступили, а только еще приступаем. То, что сделано, это капля в море. У нас еще безбрежное море беспартийных рабочих, которые должны стать сочувствующими нам, которые должны стать партийными.

Классовое соотношение сил в революции и профсоюзы.

Еще один момент необходимо иметь в виду. Мы осуществляем пролетарскую диктатуру в стране, где громадное большинство крестьян. У нас, если говорить грубо, примерно десять миллионов рабочих и сто миллионов крестьян. Я беру с семьями, на глаз. Мы хотим, чтобы эти десять миллионов рабочих вели эти сто миллионов крестьян. Они их вели до сих пор, они их вели сравнительно легко, потому что, пока не была закончена в самых основных чертах гражданская война, перед каждым

толковым крестьянином был простой выбор — или поддержать коммунистов или идти навстречу той опасности, что завтра победит Колчак, Деникин, отнимет землю, сядет на шею. Крестьянин это отлично понимал.

Если мобилизация шла сравнительно легко, если Красная армия так легко осуществляла союз крестьян и рабочих под руководством рабочих, то это потому, что крестьяне частью сознательно, частью бессознательно отдавали себе отчет, что вопрос стоит именно так, — либо поддержать коммунистическую партию, либо победит помещик. И это давало возможность легче вести за собой сто миллионов крестьянства.

Теперь этот момент отпал. Теперь мы победили помещика. Теперь эта непосредственная опасность для крестьянина больше не существует. Крестьянин начинает теперь размышлять несколько по-иному. У крестьянина появляются новые веяния, новые настроения, которые мы не должны недооценивать. Среди крестьян появляются новые веяния, что рабочие молодцы свое дело сделали, скинули помещиков и капиталистов, организовали Красную армию, прогнали царских генералов, зато нынче мы, крестьяне, должны смотреть, чтобы рабочий нас не обжегорил.

Эти настроения вы можете отмечать на крестьянских съездах. Эти новые настроения среди крестьян совершенно неизбежны. Они должны были прийти и они пришли. Здесь нет ничего особенно страшного. Мы с этим справимся. Но, товарищи, такое положение, такое классовое соотношение сил в нашей революции обязывает между прочим спросить себя: где такая организация, в которой рабочие, как таковые, могут сплотиться, где та организация беспримесная, чисто пролетарская, классовая, которая дает объединение именно этих десяти миллионов рабочих, долженствующих вести за собою сто миллионов крестьян?

Где эта организация? Товарищи, мне кажется, каждый из нас ответит просто и ясно, что эта организация есть профсоюз. Другой организации, которая бы объединяла столько рабочих (не несколько сот тысяч, как партия, а миллионы) — другой организации нет, кроме профсоюзов. Профсоюз является единственной организацией, где должны найти выражение эти 10 миллионов, которые в целом дают основу пролетарской диктатуре, организуются для того, чтобы вести за собою 100 миллионов крестьян.

Вот почему и тут мы подходим к той горенной важнейшей

исторической задаче, которую призваны играть профсоюзы в нашей советской стране. Они призваны помочь осуществить диктатуру пролетариата в крестьянской стране. И именно поскольку они являются той гигантской лабораторией, гигантской школой коммунизма, в которой мы должны суметь объединить 10 миллионов человек, приписать их к профсоюзам не только на бумаге — это не значит объединить, а надо их хорошо объединить — в этом есть добрая половина, если не больше, всех задач нынешних профсоюзов, и это абсолютно проглядели те товарищи, которые считают себя новаторами в вопросе о профсоюзах.

Вот почему, когда мы подходим с этой точки зрения и спрашиваем, сделали ли в этом отношении профсоюзы что-нибудь за эти три года, то мы отвечаем: да, сделали, и очень много. Конечно, надо будет сделать еще в сто раз больше, но мы говорим, что за эти три года основную задачу сплочивания в основных чертах 10 миллионов рабочих для того, чтобы иметь чисто пролетарскую организацию и через них организовать хозяйство, вести за собою сермяжную Россию — эту задачу профсоюзы выполнили.

И тысячу раз был прав т. Ленин, когда говорил, что, не будь профсоюзов и их горячей поддержки нам, наша диктатура не продержалась бы и двух недель. В этом не было ни малейшего преувеличения.

Характер профессионального движения.

Возражая нам, т. Троцкий говорил: то, что вы мне говорите, это относится к рабочему классу, а не к профсоюзам, профсоюзы тут не при чем. Эти так называемые — как он говорил — организованные металлисты — разве они действительно организованные? На самом деле их просто приписали на заводах в члены. Это — полное непонимание характера профессионального движения, незнание фактов. У нас не так называемые массы металлистов, а организованные массы металлистов. Конечно, это плохал, паскоро сколоченная организация, ее нужно усовершенствовать, улучшать. Но кто не нуждается в усовершенствовании, какая организация не нуждается в улучшении? У нас не просто людская пыль. И вовсе не верно, что то, что мы говорим, относится к рабочему классу, а не к профсоюзам.

За три года в основном заложена база профессионального движения, организованное строительство вчерне закончено, союзы

построены по производственному принципу, количество союзов сокращено до минимума, централизовано. Конечно, есть лучшие и худшие союзы, но в основном организация дана, и громадная воспитательная работа по дементированию масс, по черновой обработке, втягиванию масс происходила и происходит, — это можно наглядно видеть. Получается чуть ли не буквальная школа. Через ворота профсоюзов в партию входят сотни и сотни новых работников партии, новых членов партии. Разве эта не есть работа школы коммунизма? Кто не видел в любом городе, как через широкие ворота профсоюзов проходят в более узкие двери партийной организации лучшие элементы рабочего класса? Это есть одна из функций школы коммунизма, это отбор лучших элементов, которые проходят через профсоюзы и входят в партию. И нельзя не протестовать достаточно резко против легкомысленной, чисто интеллигентской формулы, которая вместе с водой выплескивает из ванны ребенка и говорит, что профсоюзов нет, что у нас «так называемые» профсоюзы, «так называемые» организованные массы, что старые задачи должны быть похоронены, а перед нами стоят-де совсем новые задачи.

Когда нам говорят, что старые задачи должны быть похоронены, что перед нами будто бы новые задачи, когда нам говорят, что профсоюзы переживают кризис лишь на том основании, что для них при буржуазном строе была определенная задача — организация стачек, борьба за улучшение своего существования, а теперь это-де отпало — то мы спрашиваем: верно ли это? Да разве и партия не была до революции в другом положении? Товарищи, мы до Октября были организаторами стачек, агитаторами, пропагандистами, борцами, поднимавшими и разжигавшими восстания, десятки лет мы привыкали к этой задаче, однако — мы сумели подняться до партии, управляющей государством. Почему же мы должны предполагать, что профсоюзы не смогут этого сделать?

Где доказательства тому, что партия сумела приспособиться, перестроиться, а профсоюзы почему-то не сумели этого сделать и застыли в позе профсоюзника доброго старого времени, который видит перед собой одну задачу — повышение заработной платы?

Это неверно: и партия и профсоюзы должны были радикально после Октябрьской революции переменить свои задачи, и они это сделали. Даже больше. Тов. Ленин в дискуссии сказал, что мы не имеем права теперь сказать, что у профсоюзов

отпала прежняя задача отстаивания лучших условий жизни. Он сказал: говорят о том, что раз у нас рабочее государство, то нам не нужны профсоюзы. Это — фраза. И он прав, во-первых, потому, что у нас рабочее «государство с гой особенностью, что в стране преобладает не рабочее, а крестьянское население». (Ленин, речь на фракции VIII съезда Советов от 30 дек. 1920 г.) Во-вторых, у нас остался значительный кусок буржуазного элемента, который теперь на ролях спецов, и, в-третьих, мы признали, что теперь наше рабочее государство страдает от бюрократических язв и извращений. Конечно, мы эти язвы победим, — это само собой понятно.

Правде нужно смотреть в глаза. Мы должны сказать: да, у нас сейчас диктатура пролетариата, у нас сейчас партия у власти, и мы справились со всеми трудностями, которые перед нами стоят. Но если бы мы взяли фотографический снимок того, что у нас есть, то несомненно мы сказали бы, что при всех условиях, которые у нас есть, нам все-таки нужна организация, которая заботилась бы также об условиях труда рабочих. И вот эта задача попрежнему падает на профсоюзы. Кто-либо должен думать о тарифах; ВЦСПС плохо думает о них, но это не значит, что он должен перестать совсем думать. Кто-то должен думать об организации труда подростков, кто-то должен думать о том, чтобы нас совсем не засасывал бюрократизм, — все эти задачи падают на профсоюзы. Пусть эс-эры кричат, что мы признали, что у нас нет чистого коммунизма, — да мы и не подряжались сделать коммунизм в три года, если сделаем через десять лет, так и это будет чудеса. Мы в данном случае говорим, что профсоюзам приходится думать, заботиться о непосредственно узких бытовых интересах рабочих и рабочих. Профсоюзы, которыми руководит наша партия, будут превосходной организацией, которая будет поправлять, где сделано плохо, будет отстаивать рабочих, где они не смогут достучаться.

В этом ничего решительно худого нет. Это — «новая» задача профессиональных союзов, которую надо видеть, от которой нельзя по-интеллигентски отмахнуться.

Организационно-хозяйственная задача профсоюзов.

Мы переходим теперь к другой задаче профессиональных союзов, к той задаче, вокруг которой больше всего теперь спо-

ров. Иногда наши противники говорят: вы правы, действительно воспитательных задач не надо забывать, действительно эта половина работы у союзов остается, это надо подчеркнуть, но в то же время надо сделать ударение на производственной задаче.

Тут мы подходим как будто бы к гвоздю вопроса. Нам говорят: союзы занимались тем, что мобилизовывали десятки и сотни тысяч в продовольственные отряды, на фронты и т. д. Это, конечно, хорошо, за это спасибо союзам. Но какое отношение это имеет непосредственно к задачам профессиональных союзов? Непосредственная задача профессиональных союзов заключается не в том, чтобы мобилизовать, а в том, чтобы организовать производство. Недаром они называются производственными союзами.

Рассмотрим этот вопрос. В самом деле, много ли тут нового говорят эти товарищи? Я ссылаюсь на резолюцию первого Всероссийского съезда союзов на рубеже между 1917 и 1918 годами, когда, по моему докладу, была принята резолюция. Центр тяжести работы в ней был перенесен в область организационно-хозяйственную. С тех пор наша партия во всей печати, в агитации и пропаганде не переставала твердить рабочим это, а именно, что наша задача в союзах должна быть перенесена в область организационно-хозяйственную.

Мы сделали в этом отношении мало. Теперь мы подходим к тому, что можем сделать больше. Но, товарищи, у нас дело ставят так, что если бы мы приняли редепт, который предлагают нам, то наши профессиональные союзы перестали бы выполнять даже то, что делалось до сих пор, потому что некоторые новаторы хотят сначала профессиональные союзы перетряхнуть, свести их к нулю, т.-е. отменить выборное начало, назначать сверху правление, одектранить их, и потом уже дать возможность заниматься каким-либо производством.

Со словом «производство» теперь происходит совершенно небывалая разухабистая игра. Всякий, кому не лень, повторяет десять раз «производство», «через производство», «производственник» и т. д., «хозяйство», «через хозяйство», «хозяйственник», «при помощи хозяйственника» и т. д. и воображает, что этим он сказал что-то новое, что этим он поднял хозяйство.

Да, товарищи, если бы при помощи пустого повторения слов — «производство», «хозяйство» мы могли бы на полпроцента

поднять производительность труда, тогда наша задача была бы очень легка. Но мы утверждаем, что эта говорильня вокруг слова «производство» решительно никакого улучшения производству не даст.

Тезисы т. Троцкого, выработанные им с группой профессиональных работников, как он заявляет в предисловии, являются в этом отношении образом пустоговорения вокруг слова «производство». Ничего нового по сравнению с тем, что сказано было в начале 1918 года, нет. Происходит какой-то танец вокруг слова «производство». Договорились бог знает до каких бессмыслиц, употребляя без конца слово «производство» во всех вариациях. Я попробовал подсчитать, сколько раз на протяжении 10—17 страниц, где толкуется эта задача, употребляются слова «производство», «производственный» т. Троцкий, и получил свыше ста. Но от этого не стало лучше, от этого никакого выигрыша нет, сколько ни употребляй это слово.

Нам говорят, что главная задача союзов, это — участие в производстве. Но еще Всероссийский съезд союзов в январе 1918 года, три года тому назад, отлично видел эту задачу, и по мере сил она выполнялась. Нам преподносят фразы относительно того, что поднимет хозяйство только взаимоплодотворение двух организаций — хозяйственной и союзной и организационное сращивание. Спрягают и склоняют слово «хозяйство» и в этом отношении доходят до того, что употребляют словосочетание — «производственная атмосфера». У Чехова в одном рассказе герой требует — «дайте мне атмосферу», так и тут — дайте мне производственную атмосферу.

Мы на это отвечаем, что товарищи, которые с этим словечком носят, ничего практического не имеют сказать, а при помощи его замазывают основную деятельность профсоюзов и производят профсоюзы, объявляют, как вы увидите дальше, священный поход против нынешних руководителей профессионального движения, заявляя, как т. Троцкий заявляет: «Надо по-новому подобрать руководящий состав профессионального движения». Но неизвестно, кто его подберет. Ленин был совершенно прав, когда, смеясь, спрашивал: неужели Троцкий с Крестинским?

Профессиональное массовое движение в 7 миллионов пусть подберет, и подберет под общим контролем партии, руководящий персонал. «Производственный», «производство» — эти слова решительно ничего ясного не говорят и к добру не доведут.

«Производственная демократия».

Вокруг «производительности» родилась формула о производственной демократии, автором которой является т. Бухарин. Мы отодвигаем эту формулу, как пустышку, неправильное словосочетание, ничего решительно не объясняющее. Я говорил в Москве в своем докладе о производственной демократии. Бухарин и его друзья понимают ее таким образом, что при выборах надо ставить выше всего принцип производственный. Если кого-либо выбирают, то первым делом спросят, умеешь ли что-нибудь делать по части производства. Если умеешь — хорошо, мы тебя выберем, а если не умеешь — не выберем. Здесь есть зерно истины. Мы сейчас входим в хозяйственную полосу, на первую очередь выдвинется хозяйственный-организатор; как в боевую полосу выдвигался герой фронта, воспитывался тип отважного, смелого красноармейца, так теперь выдвинется тип человека-хозяйственника, организатора, способного поставить на ноги завод, фабрику, шахту, железные дороги и т. д.

Верно ли, что при выборах мы сможем руководиться только этим принципом? Не верно, отнюдь не верно. Когда вы выберете любое правление своего союза, разве можно руководиться только этим принципом? Нет. Вы будете спрашивать о партийном стаже, вы будете человека спрашивать о преданности его партии, о его политических способностях, вы посмотрите на свой совет союзов, вы подберете целый кондерт различных людей, людей различных родов оружия. Вам нужны и непосредственные практики, и организаторы, и организаторы другого масштаба, вам нужны политики. Если вы будете брать исключительно под углом зрения хозяйственника, тогда нам Анделовича не придется выбрать, а нужно будет выбрать... Бухарина, да и то на счет хозяйственности здесь не очень-то выйдет дело. Совершенно ясно, что нельзя с одним этим принципом подходить, нам нужно будет брать и кое-что другое. Стало быть, формулировка, которая дана, неверна.

Неверно, когда говорят: раз производственная демократия, так значит — выбирайте того, кто умеет с производством обращаться. Откуда мы так много наберем этих производителей? До сих пор рабочий класс был на низах промышленной лестницы, он был наемным рабом, который знал свой станок. Конечно,

из среды рабочих и крестьян выдвинутся десятки тысяч настоящих строителей, организаторов; каждого, у кого есть талант, искра божия, рабочая партия и союз будут поддерживать, толкать вперед, учить, оказывать всяческое внимание. Но нельзя бросить лозунг, что выбирать только тех, кто умеет организовать производство.

Ленин критиковал «производственную демократию» с другой точки зрения. Слова «производственный» и «демократия», это — два понятия, которые нельзя связывать. Производство останется всегда, а демократия не всегда, демократия — переходящий термин. Мы недавно постановили на нашем съезде партии, что вполне допустимо единоличное управление на фабриках и заводах. «Производственная демократия» как будто бы это исключает. Если «производственная демократия», то выборность на всех ступенях производства, на всех ступенях управления. Это словосочетание сбивчиво, неясно, спутано. Теперь нельзя прибегать к этим сбивчивым, спутанным сочетаниям «производственной демократии» в противовес лозунгу рабочей демократии.

Когда мы увидели, что мы кончаем с войной, то мы сказали, что нужно восстановить выборность сверху донизу. Нужна настоящая демократия, демократический централизм, который мы с 1903 года провозгласили и который нам во время гражданской войны пришлось сильно урезать, потому что, под влиянием этой войны, мы должны были все ставить для победы, и поэтому сбивчивый лозунг производственной демократии неверен.

«Срачивание».

Следующий лозунг — «срачивание», который тесно связан с вопросом о производственной роли профсоюзов. Товарищи выдвигают лозунг срачивания профсоюзов с хозяйственными органами, они говорят: нельзя допустить, чтобы эти две организации жили на разных половинах, надо начать их срачивать. Мы отвечаем, что против этого мы возразить ничего не имеем, но мы говорим, что это срачивание началось еще три года тому назад, когда профсоюзы сами принимали участие в создании Совнархоза; это срачивание уже началось потому, что нет отдела в Совнархозе, где бы не было одной трети или половины членов профсоюзов; это срачивание началось потому, что профсоюзы участвуют в выработке программ производства.

Но мы говорим, что «сращивание» сращиванию рознь, можно срастить, и срастить так, что от союзов останутся рожки да ножки. «Сращивание» можно ведь понимать и так, например, что я съел булку и таким образом «срастил» ее с моим желудком. Точно так же товарищи хотят срастить профсоюзы с хозяйственными организациями.

Такого «сращивания» мы допустить не можем, между тем как оно уже начинается. Некоторые товарищи из Совнархоза, внезапно пересев на другого коня, говорят: пусть профсоюзы будут той базой, на которой мы будем сидеть, но не иначе как верхом. Мы говорим: мы не можем допустить такого «сращивания» потому, что мы теряем профсоюзы, как школу коммунизма, как гигантскую лабораторию, в которой воспитывается 7 миллионов беспартийных рабочих, которые дают базу миллионам рабочих для пролетарской диктатуры. Такого «сращивания» мы не допустим.

Тов. Ленин пошел дальше; он сказал, что о сращивании пужно помолчать, нужно о нем поменьше кричать. Но я думаю, что здесь т. Ленин неправ, — помолчать здесь не удастся, надо дать ответ, необходимо сказать, что не надо забывать основной задачи профсоюзов — школы коммунизма. Долой «сращивание», которое отнимет эту школу коммунизма, долой его, потому что это убьет и производство; ибо если мы не будем иметь этой основы, т.-е. профсоюза, который убеждает, пропагандирует, учит, дает возможность становиться в твердые ряды, если не будет этой основы, то никакие ухищрения «сращивания» не смогут заменить солидарность и сознательность рабочих. Надо строить так, чтобы рабочие смотрели на государство как на свое.

Вот почему такое сращивание, которое началось с 1918 года и продолжалось три года, по существу надо продолжать, имея при этом путеводной звездой основную директиву — сращивай, но не до бесчувствия, сращивай, но чтобы при этом союз не перестал быть школой коммунизма, сращивай, но не так, чтобы бюрократические главки сели верхом на профессиональные союзы, сращивай, но не так, чтобы нынешние органы Совнархоза положили в боковой карман профессиональные союзы или проглотили их. Такое «сращивание» недопустимо. Такое «сращивание» подпилит то дерево, на котором мы сидим, подпилит профессиональные союзы, без которых мы, как правильно указывалось, двух недель не сможем продержаться. Вот как мы должны ставить

вопрос о срачивании. Так ставила и ставит его наша партия.

В тезисах т. Троцкого, выработанных с группой профессионалистов, есть глава, которая называется — «Практические выводы». Эта глава занимает несколько страниц. Я тщательно перечитывал несколько раз эти выводы и каждый раз приходил к выводу: — то, что в них есть практического, то давно и гораздо лучше сказал IX съезд нашей партии; то, что в них есть нового по сравнению с IX съездом нашей партии, то является бюрократической, вымученной, интеллигентской выдумкой — не больше того. Я вынужден поэтому познакомить вас более подробно с тем, что решил IX съезд нашей партии по вопросу о срачивании, по вопросу о профессиональных союзах. Не подумайте, что эти вопросы встали заново. Нисколько. IX съезд партии был десять месяцев тому назад. IX съезд партии собрался при обстановке, сильно напоминающей нынешнюю обстановку: когда мы кончили с Лениным, казалось, что гражданская война уходит в прошлое, что мы приступаем к хозяйственной работе, — обстановка была аналогична.

IX съезд партии обсуждал этот вопрос и вынес, как вы, вероятно, помните, подробную резолюцию по вопросу о профессиональных союзах. В ней есть глава так озаглавленная: «Формы участия профсоюзов в хозяйственном аппарате пролетарского государства» — она как раз имеет непосредственное отношение к тому вопросу, который стоит перед нами. Форма участия и форма срачивания, это — одно и то же. Резолюция начинается, как полагается, с первичной ячейки — заводского комитета, кончая верхушкой, и дает точные и ясные выводы по этому вопросу. Резолюция говорит: «в виду того, что профессиональные союзы, объединяя рабочих по крупным отраслям производства, непосредственно с этим производством связаны и поэтому являются весьма компетентной организацией именно здесь, они составляют основную базу хозяйственных организаций, управляющих промышленностью. Это проявляется в том, что профсоюзы, не будучи обособленной организацией и отнюдь не заведующие делом и исключительно хозяйством Советской Республики, снизу доверху участвуют в организации производства».

Дальше идет конкретный переход: «Низшей ячейкой профсоюза является завком. Завком, не вмешиваясь в область управления предприятием, выполняет следующие функции: способствует поднятию трудовой дисциплины всеми мерами, вплоть до

товарищеских дисциплинарных судов, ведет, на ряду с общей, производственную трудовую пропаганду, привлекает рабочих к участию в рабочей инспекции, воспитывает рабочих и заинтересовывает их в понимании роли завода (отчеты, доклады), способствует подбору рабочих — администраторов, наблюдает за деятельностью расценочных комиссий и пр.».

Дальше идет переход от заводского комитета к заводоуправлению. «В заводоуправлениях профессиональные союзы принимают участие в формировании таковых по соглашению с соответствующими органами ВСНХ, при чем принцип выборности должен быть заменен принципом подбора на основе практического стажа, технической компетентности, твердости, организаторской способности и деловитости кандидатов». Я утверждаю, что, если вы будете говорить о заводоуправлениях, об их «сращивании», вы также едва ли придумаете что-либо, кроме того, что сказано IX съездом партии.

Дальше, переходя к районным управлениям, говорится: «районные управления и заводоуправления предприятий состоят из лиц, назначаемых по соглашению между ЦК соответствующего союза, с одной стороны, коллегии главка и центра — с другой, или же, (в случае непосредственного подчинения ВСНХ) — по соглашению и с окончательной санкцией президиума последнего».

Дальше идут президиумы, губсовнархозы, верхушка всероссийская. Это ясно, точно отчеканил IX съезд партии, состоявшийся десять месяцев тому назад, при обстановке, похожей на нынешнюю. Он дал точный и ясный ответ, как должно начаться «сращивание». Тов. Троцкий сказал, что IX съезд партии говорил о соглашении двух учреждений — профсоюзов и хозяйства, а мы говорим не о соглашении, а о «сращивании». Разница не очень велика. Выходит, что «не вмер Давило, а болячка его задавила». Какая разница между соглашением и сращиванием — не понимаю. Троцкий говорил, что будут три общих члена в Высовнархозе и в ВЦСПС, они будут одновременно и тут и там. Чем это отличается? Сказана цифра 3, и справедливо спрашивают т. Троцкого, почему 3, а не 5 и не 2. Это — выдуманная цифра, упавшая с потолка. Почему, в самом деле, ожидать таких чудес, если будут три общих кресла, на которых будут сидеть? Троцкий говорит, что они будут одновременно и тут и там. Одновременно не выйдет, ибо человек физически так устроен, что одновременно может сидеть только на одном месте. Тут дело

идет не об одновременном сидении, а о том, чтобы были члены тут и там, и чтобы объединилась эта работа, чтобы часть времени отдавать на одну работу и часть времени — на другую. Это совместительство есть и сейчас, это уже намечено в указанной резолюции. Ничего более практического по сравнению с IX съездом партии не говорится, все остальное либо непрактично, либо лйда выведенного не стоит. А если есть улучшения, то мелкие технические улучшения, которые ничего не изменяют в нынешнем построении.

Приходится остановиться подробнее на вопросе о «сращивании». Ньютоновское открытие Троцкого сводится к тому, чтобы одновременно три человека сидели на общих стульях. Мы утверждаем, что вопрос о деловом сращивании союзов и органов Совпархоза точнейшим образом разработан IX съездом нашей партии, и что нам, вместо того, чтобы мудрствовать лукаво, надо теперь, когда мы имеем возможность начать проводить эти решения, приступить к проведению этих решений, закатать рукава и начать работать на основе этих решений, вместо того, чтобы уподобляться интеллигентам из Цектрана, которые ходят вокруг да около и говорят: скажи, какую работу надо начать? И они становятся в позу, заложивши руки, и спрашивают, в чем работа.

Работа указана IX съездом нашей партии яснее ясного. Непочатый край этой работы. Потрудитесь на основе решений IX съезда нашей партии начать действительное сращивание, вместо того, чтобы так много говорить о «сращивании», а на деле мешать профсоюзам.

Опыт с Главполитбюро.

Дело обстоит, однако, не столь невинным образом. Во имя новых открытий т. Троцкий и группа из Цектрана объявляют священный поход против ВЦСПС. В первоначальных своих тезисах, которые т. Троцкий внес в ЦК партии и которые были отклонены, он оперирует с терминами: каутскианские, меньшевистские, эс-эровские, трэд-юнионистские, меццанские, бюрократические... Вот этими почтенными терминами он осыпает деятелей профессионального движения, воображая, что он оказывает этим большую услугу профессиональному движению. Больше того, — т. Троцкий на дискуссии в театре Зимина держал такую унизительную речь против руководителей профессионального движения,

говорил в таком тоне, как мы разговаривали раньше с меньшевиками. Во имя чего это делается? Во имя того, что люди говорят, что вместо того чтобы горячиться и решать вопрос в течение нескольких дней, потрудитесь выкинуть в работу, которая проделана. Не торопитесь объявлять каутскианцами, эс-эрами и пр. и пр., а постарайтесь сначала разобраться. Мы видели, как, исходя из этих неверных принципов, один союз уже разорен вдребезги. Когда собирался IX съезд, положение транспорта было тяжелое. ЦК предложил и съезд принял, чтобы принять экстренные меры для поднятия транспорта, чтобы помочь профессиональному союзу железнодорожников, который находился в этом тяжелом положении. Тогда партия сказала, что надо учредить Главполитпуть, которому были даны две задачи — улучшить состояние транспорта и укрепить профессиональный союз железнодорожной организации. Существование Главполитпути вместо профсоюзов партия допустила временно, но как только мы вернемся к нормальному состоянию, его надо уничтожить. Теперь посмотрим, как были выполнены эти две задачи. Я не буду говорить о выполнении первой задачи, о поднятии транспорта — тут известные улучшения налицо, здесь легкомысленными обвинениями швыряться не следует, транспорт нужно поднимать, и все мы должны работать в этом направлении. Кое-что уже сделано, — надо сделать в тысячу раз больше. Но не в этом предмет расхождения. Вопрос во второй задаче, в задаче поднятия, возрождения профсоюза железнодорожников. Нужно определенно сказать, что во второй задаче союз транспортников не то что возродили, а, наоборот, почти погубили, раскололи. Главполитпуть настолько не имел такта и умения, что, собирая недавнее совещание, сам того не сознавал, что Цектран стоит на глиняных ногах. Дело получило такой оборот, что произошел раскол, водники ушли, формально нарушив дисциплину, но по существу будучи правы в своем здоровом протесте против неслыханного бюрократизма, против той политики, которую вели Главполитвод и Главполитпуть. В самой среде железнодорожников получились две линии. На съезде было 50 чел. выборных, из них 19 отколось, и когда узнали результат дела водников, то эти 19 выросли до 30. И с каждым днем тает группа правоверных Цектрана.

Я должен сказать, что среди работников Цектрана много товарищей работников, которые видят некоторые отступления

в том, что мы дали им директивы, поставили определенные задачи и тактику и теперь как будто бы отрекаемся. Это полное непонимание того, что происходит. Да, была задача нажима, но было прямо сказано, что это временно и теперь, когда время прошло, надо это прекратить. Мы теперь на февраль созываем съезд железнодорожников и думаем, что нам удастся создать то единство, которое нарушено Цектрапом, когда на совещании произошел раскол.

Таким образом, опыт с Главполитпутем партия должна признать удавшимся наполовину. Нам удалось кое-что сделать в области поднятия железных дорог. Между тем утверждают, что если бы то же самое количество работников-коммунистов отдали просто профессиональным союзам, то были бы достигнуты те же самые результаты, может быть, даже большие. Во всяком случае, эту задачу можно признать удавшейся наполовину. Что касается второй задачи — укрепления профессиональных союзов, приходится прямо и ясно признать эту задачу неудавшейся. Партия должна десять раз подумать, раньше чем повторять эти опыты. Когда была попытка перейти на создание Главполитсахара и Политугля и т. д., то мы, товарищи, теперь видим, что этого делать нельзя, ибо опыт, который сделали только в одной области, наполовину удался, в области профессионального движения привел к неисчислимым бедствиям, к расколу важнейшего союза железнодорожников, который партия будет восстанавливать. Он привел к некоторой сумятице в рядах профессионального движения. Этот лозунг нажима некоторые товарищи стали понимать слишком вульгарно. Я цитировал в Москве речь одного из товарищей, сторонника т. Троцкого, Гольдмана, члена президиума ВЦСПС, который неделю четыре тому назад, на V Всероссийской конференции профсоюзов, заявил буквально так... Я процитирую по стенографическому отчету:

«Другой способ, это — способ припуждения, способ реальной политики, которая не останавливается ни перед какими методами, как методами поощрения рабочих, так и методами припуждения, беспощадной налочной дисциплины по отношению к рабочим массам, которые нас тянут назад. Мы не будем останавливаться перед тем, чтобы применять тюрьмы, ссылку, каторгу по отношению к людям, которые неспособны понять наши тенденции».

Товарищи, не нужно преувеличивать. Гольдман не такой кровожадный, не такой страшный, как это может показаться,

никого он на каторгу не сослал, никого в тюрьму не посадил. Но только вы видите из этого умоначертания, что это не из той оперы, это не то, что надо. Теперь, во время V конференции профсоюзов, которая собралась несколько недель тому назад, когда Врангель разбит, когда мы на рубеже новой эпохи, руководители профсоюзов, зарвавшись, увлекшись централизмом, произносят речи в духе палочной дисциплины, тюрем и т. д. Ясно, что это не из той оперы. Мы, большевики, не против принуждения вообще. Мы применяли принуждение, мы знаем, что иногда приходится и рабочего шкурника посадить в тюрьму, — мы от этого не отказываемся. Рабочая демократия не исключает ни ВЧК, ни дисциплинарных судов и методов принуждения вообще. Но я утверждаю, что это настроение у руководителей профессионального движения на рубеже новой эпохи показывает, что с такими приемами и методами далеко не уйдешь.

В своей ноябрьской резолюции ЦК нашей партии заявил, что мы не отказываемся от принуждения. Но принуждение, милитаризация, поднятие военной дисциплины на фабриках и заводах будет иметь успех лишь в той мере, в какой удастся убедить не всю рабочую массу — это невозможно, — а убедить и заинтересовать авангард рабочего класса, который через союзы будет вести за собою густыми колоннами миллионы рабочих.

Вы видите совершенно ясно, к каким громадным практическим ошибкам приводила эта политика. Другой пример я привел в Москве. Тов. Зоф, один из лучших работников, понял свою политику так, что, когда его назначили по водным делам комиссаром, он начал с приказов, в которых сравнивал профессиональные союзы с комитетчиной. Он говорил, что союзы в деле производства то же самое, что комитетчина в Красной армии. Он, конечно, попал пальцем в небо. Действительно, Красную армию без уничтожения комитетов нельзя было бы построить. А разве можно было бы построить производство без профессиональных союзов? Военные работники взяли и поставили знак равенства между комитетами в Красной армии и профессиональными союзами. Они не поняли, что дело производства, это — другая задача, что здесь требуется массовый энтузиазм, массовое участие, и что без профсоюза мы не можем сделать ни шагу. Эти ошибки близки к тому, чтобы сделать громадный ущерб нашей партии. Будет большой ущерб, если часть работников заразится этим настроением. А т. Троцкий, имеющий громадное влияние среди

военных работников, и не только среди военных, толкает в сторону того, чтобы мы пошли по пути Зофа, Гольдмана, создали разрыв, трещину между рабочими, которые находятся на фабриках и заводах и в профсоюзах, с этими военными работниками. Стало нарождаться такое настроение, что военный сразу, только что соскочив с коня и попав в профсоюз, говорит: дай, покажу, как надо работать по-настоящему; другого «неприятеля» нет, так буду этой шпайгой махать под носом у деятеля профессионального движения. Конечно, люди с тактом, с умом, с головой — а таких большинство среди людей военных — не пойдут на это, но их толкают на это. Я думаю, военные работники, возвращаясь к заводу, к профессиональному очагу, будут учиться, будут спокойно и уравновешенно вникать в обстановку: они поймут, что за время войны они многому научились на фронте, но они не знают, что делается в тылу, — не по своей вине, конечно.

В ЦК этот вопрос встал остро, и ЦК нашей партии по этому вопросу, к сожалению, раскололся почти пополам. В ноябре этого года ЦК принял одну резолюцию в духе тезисов т. Ленина, а в декабре принял другую, большинством одного голоса, в духе т. Троцкого, с поправками т. Бухарина. Поэтому мы сочли необходимым ускорить партийный съезд, ибо нельзя руководить партией, если по основному вопросу ЦК делится пополам. Были отдельные товарищи, которых за волосы пришлось тащить для того, чтобы они признавали рабочую демократию. Одни считали, что это пустые слова, что об этом не надо даже говорить; другие выставили вместо рабочей демократии производственную демократию. Против этого лозунга была половина членов ЦК, которая до сих пор не может дать ясного ответа на вопрос о профсоюзах. Мы должны теперь получить решающее мнение партийного съезда по этому вопросу. Вопрос новый, коренной. Партия должна в него вдуматься и дать решительный ответ. Прятать наши разногласия немыслимо. Мы должны дать твердый, ясный ответ на этот вопрос. Этот ответ состоит в том, что усиление роли профсоюзов в производстве необходимо безусловно, сращивание тоже необходимо. Но вместе с тем надо помнить, что основная задача профсоюзов — школа коммунизма — остается в силе, надо помнить, что сращивание должно быть не такое, которое позволит главкам, хозяйственным органам проглотить профсоюзы.

Огосударствление союзов.

Мы против немедленного огосударствления профсоюзов. Нам не надо делать союзы формально государственной организацией. Это ни к чему. У нас формальных организаций — хоть пруд пруди, и нам нечего торопиться с этим процессом. Я показывал листовку — нелегальный проект нелегальных профсоюзов эс-эров — т. Дзержинскому. И я спрашиваю: если мы огосударствим, как предлагает группа т. Троцкого, профсоюзы, что из этого получится? Я думаю, что мы этим, кроме помощи правым эс-эрам и организации нелегальных профсоюзов, ничего не сделаем. Тов. Троцкий пишет: зачем отодвигать огосударствление на задний план, делать его заоблачной целью? А мы говорим: нам не за чем накладывать на союзы государственный ярлык, нам нужны союзы как срединная организация между партией и государством, нам нужны профсоюзы как школа коммунизма, и мы говорим: не форсируйте сраживание, а пока помогайте союзам встать на ноги, отдайте туда лучших работников, поймите, что профсоюзы должны остаться организацией воспитывающей, пропагандирующей, организующей.

Ты хочешь, чтобы профсоюзы участвовали в производстве, — эта форма правильно указана на IX съезде партии, но объявлять войну профсоюзам ты не имеешь никакого основания. Я повторяю, что если бы ВЦСПС даже был неправ, если бы даже он был законно неправ в этом споре, то и тогда партия должна бы была подойти к этому вопросу не с истребительной скульворотной критикой, как делает это т. Троцкий, а должна была бы понять, что ВЦСПС, повидимому, отражает в себе отсталость рабочего класса, и что к этому надо подойти умеючи и бережно, а не с наскока и с ругательной полемикой. В тезисах т. Рудзутака сказано о хозяйственном строительстве гораздо лучше, чем в тезисах т. Троцкого. ВЦСПС ни в чем не повинен, кроме того, что ему мало оказывали помощь, что сам он десятки тысяч своих членов отдавал на фронты и вчерне строил свою организацию.

Буферная группа.

В ЦК партии, кроме этих двух основных групп, имеется еще третья группа, которая сама себя назвала «буферной»,

которая старается устроить так, чтобы не было борьбы, столкновения. Вы услышите здесь представителя этой «буферной» группы. Эта буферная группа только запутала вопрос и усилила раскол. Прав был т. Ленин, когда он изобразил эту буферную группу в виде человека, который держит ведро с керосином и подливает его в огонь, а надпись на ведре — «буферный керосин».

Была сделана попытка — к сожалению, сделана она была т. Бухариным, от которого меньше всего можно было ожидать этой попытки — подобно тому, как у Гоголя, приставить нос одного к усам другого, к подбородку третьего — тогда получится великолепный нужный жепих. Так, конечно, нельзя. Попытка взять один пункт из одной резолюции, другой пункт из другой — к добру не приведет. Попытка сказать, что вы подчеркиваете производство, а вы — воспитательные задачи, а я, раб божий, обещало быть, я прав, — ни к чему не приведет, из этого ничего не выйдет. Надо взять вопрос, как он исторически встал перед нами.

Объявили поход нынешнему профессиональному движению — взяли, посмотрели, решили, что все не годится, и бросили: мы, мол, заново построим. Профессиональное движение есть нечто гораздо более серьезное, чем это представляют себе некоторые товарищи. Это есть массовая пролетарская организация, с которой надо обращаться умело. Если мы говорим, что это есть школа, мы должны понимать, что в школе надо учить, обучать, а не командовать, особенно в такой школе, где в учениках находится $6\frac{1}{2}$ миллионов беспартийных рабочих и служащих. Почему это такой важный вопрос? Потому что в тезисах Троцкого заложена опасность раскола между партией, с одной стороны, и профессиональным движением — с другой. Раскол, разрыв или даже только охлаждение отношений — и то представляет громадную опасность. Простое охлаждение между партией и союзами является гигантской опасностью для нашей пролетарской революции. Вот почему надо осторожно подходить к этому вопросу, вот почему мы обязаны сделать все возможное, чтобы никакого разрыва, никакого охлаждения между партией и профессиональными союзами не было. Профессиональное движение в общем и целом находится на правильном пути. Все нужные резолюции вынесены на I Всероссийском съезде союзов и на IX съезде нашей партии. Все, что нужно, профсоюзами сказано в тезисах т. Рудзутака и в поста-

новениях V Всероссийской конференции профессиональных союзов, которая была недавно. Дело не в том, чтобы написать хорошие тезисы, новые резолюции. Все дело сейчас заключается в том, чтобы немножко такта проявить по отношению к профсоюзам. Дело в том, чтобы ни в коем случае не допускать того, что Ленин назвал бюрократическим дерганьем. Профсоюзы нельзя дергать, как поровистого коня за узду. Это массовая организация, вросшая корнями в рабочую среду, это школа коммунизма, которую нельзя дергать, которой надо отдать больше внимания. Надо добиться того, чтобы у нас тесное единство между союзами и партией не ослабевало, а росло все больше и больше. (Продолжительные аплодисменты.)

ПРИМЕЧАНИЕ.

¹⁾ Мобилизация членов профсоюзов в Петрограде в 1919 г. происходила в мае и в октябре, в связи с наступлением Юденича.